

ОГЛАВЛЕНИЕ

Вступление	7
<i>ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. 1942 год</i>	
Глава первая. ARBEIT... ARBEIT... ARBEIT...	11
Глава вторая. ЭТО ВСЕГО ЛИШЬ ГРИПП	39
Глава третья. ПЕРВАЯ БОЛЬШАЯ ДЕЗИНСЕКЦИЯ.	74
Глава четвертая. У НАЧАЛЬНИКА ЭФИНГЕРА ХОРОШЕЕ НАСТРОЕНИЕ.	95
<i>ЧАСТЬ ВТОРАЯ. 1943 год</i>	
Глава первая. КОМАНДА 117	124
Глава вторая. ВОСКРЕСЕНЬЕ	150
Глава третья. ESKOMMT NONER BESUCH	160
Глава четвертая. НА СВОБОДУ	171
Глава пятая. ШТРАФНАЯ КОМАНДА	188
Глава шестая. НОВЫЙ ЛАГЕРЬ	207
Глава седьмая. АЛЕГРИ ИЗ СОЛНЕЧНОЙ ГРЕЦИИ	221
Глава восьмая. ПОЛЕ СРАЖЕНИЯ	232

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ. 1944 год

Глава первая. ЛАГЕРЬ ЖДЕТ	274
Глава вторая. ЦИКЛОН	281
Глава третья. СМЕХ ИЛИ СТРАХ	305
Глава четвертая. СОН О СВОБОДЕ	318
Глава пятая. NACH DEUTSCHLAND	341
Глава шестая. ЛИКВИДАЦИЯ ЛАГЕРЯ	354
ЯНВАРЬ 1945-го	371
Эпилог	378

ВСТУПЛЕНИЕ

В крематориях Освенцима и Биркенау по 18 января 1945 года сгорело около пяти миллионов человек. То были поляки, арестованные гестапо либо привезенные из Варшавы повстанцы; то были русские, югославы, чехи, англичане, голландцы, французы, бельгийцы, итальянцы, украинцы, эстонцы, немцы-уголовники, дети разных национальностей, привезенные в концентрационный лагерь или уже родившиеся там; то были цыгане, с которыми расправлялись так же, как с евреями, уничтожив в газовых камерах весь их лагерь — мужчин, женщин и детей. Данные эти взяты мною у заключенных, работавших в политическом отделе Освенцима в период ликвидации лагеря.

Долгое пребывание в Биркенау (1942–1945) и то, что я была на самых различных работах, дали мне возможность постигнуть многие тайны лагерной жизни. Ведь даже самые секретные дела осуществлялись там узниками. Через них, добросовестно выполнявших все, что им было приказано, проходил весь учет живых, а также регистрация идущих на смерть прямо с поезда: без учета, без татуировки.

Татуировку в лагере ввели из-за невероятной путаницы в учете и невозможности установить личность тысяч живых и умерших узников. Это была крупная ошибка лагерной комендатуры. Сегодня можно воочию убедиться, сколь ничтожный процент узников Освенцима остался в живых. И хотя документы были уничтожены (нам привелось вывозить для сожжения целые возы извещений о смерти), нетрудно подсчитать, зная последние номера, сколько человек погибло в Освенциме. В лагерь вошли миллионы людей. Покинули его лишь несколько десятков тысяч. Немцы не предполагали, что каждый наколотый на руке узника номер станет документом. Татуировкой как бы ставились пограничные столбы между тысячами, десятками и сотнями тысяч заключенных. Так созовем же узников Освенцима и Биркенау еще на одну всеобщую поверку. Выстроим их пятерками и попробуем подсчитать, сколько уцелело из каждой тысячи. Я знаю, результат будет ошеломляющий. Мы стояли бы как живой, трагический документ, как разрозненные, по прихоти судьбы уцелевшие звенья гигантской цепи людей, у которых отняли жизнь.

Сегодня в Освенциме и Биркенау пустые бараки. Приближение фронта прервало поспешную ликвидацию лагеря. Планом ликвидации предусматривалось замести все следы преступления в самой страшной части освенцимского лагеря, в Биркенау. Если бы на месте бараков и крематориев выросла трава, легче было бы оправдаться перед Европой и всем миром. Но случилось иначе. Лавина наступления Красной Армии застигла лагерь врасплох.

Сегодня можно с точностью указать, где кровь лилась особенно обильно. Впрочем, кровью пропитана

там каждая пядь земли. И хотя в 1944 году в лагере разбивали газоны, сеяли цветы и устраивали концерты, все это не стерло в нашей памяти чудовищного зрелища нагих трупов, сложенных штабелями возле бараков. Не стерло и воспоминаний о селекции, после которой старых, больных, беспомощных людей волокли в двадцать пятый барак — барак смерти. Слишком долго видели мы агонию лежащих в липкой грязи больных тифом и дизентерией, чтобы это когда-либо можно было забыть. Слишком явственно гласили общие поверки, какой ничтожный процент остается в живых. Умирили художники, артисты, таланты, гении, умирали люди с великим будущим. Эти несчетные смерти, эти чудовищные человеческие гекатомбы, каждая пара угасающих глаз взывали с немой мольбой — и в той мольбе была последняя воля умирающих. Эта воля запала в память уцелевших, она разрывала сердце; казалось, она разорвет и колючую проволоку, распахнет ворота, огласит криком весь мир, и крик этот донесется до свободных стран, до свободолюбивых народов.

Из Освенцима нас вернулось немного. Когда в памятные январские дни 1945 года широко распахнулись ворота лагеря и оттуда под усиленным конвоем поспешно вывели тысячи людей, когда на трассе Освенцим — Гросс-Розен протянулось на многие километры шествие сгорбленных от непосильного труда обездоленных рабов и потекло нескончаемым потоком по силезским дорогам, то тут, то там оставляя на снегу темную фигуру добитого эсэсовцами узника, жители близлежащих городов и деревень застывали в изумлении. Издали, с порогов домов, боясь приблизиться к зловещей дороге, они осеяли заключенных крестом.

— Не может быть, — говорили они, — да разве в Освенциме могло быть столько людей? Это невероятно.

Идущие по дороге не могли промолвить ни слова, не могли остановиться и крикнуть силезцам:

— Нет, неправда! В Освенциме было в сотни раз больше людей, здесь идет лишь жалкая часть уцелевших. Большинство живых еще раньше вывезли в глубь Германии, их вывозили весь последний год.

Сегодня, когда я пишу эти строки, по неведомым дорогам Германии непрерывно шагают опухшие ноги моих возвращающихся товарищей. И в шуме жизни, и в тишине одиночества слышится их тяжелая, усталая поступь.

Мой рассказ — это только фрагмент эпопеи о гигантской машине смерти, какой был Освенцим. Я буду говорить лишь о том, что видела или пережила сама. События, описанные мною, происходили в Биркенау (Освенцим II). Во избежание недоразумений хочу подчеркнуть, что не намерена ни преувеличивать события, ни извращать их в угоду чего бы то ни было. Есть вещи, которые в преувеличении не нуждаются. Все, что я рассказываю здесь, могу подтвердить перед любым трибуналом.

Эта книга — переживания и наблюдения одного человека. Всего лишь капля в громадном, безбрежном океане.

Несомненно, заговорят и другие, пережившие Биркенау. Заговорят и те, кто вернулся из других многочисленных лагерей.

Но большинство никогда не вернется и никогда не заговорит.

Часть первая

1942 год

Глава первая

ARBEIT... ARBEIT... ARBEIT...¹

Темная ночь. В бараке, где нет ни комнат, ни даже перегородок, на странного вида многоэтажных сооружениях спит почти тысяча женщин. Густая тьма насыщена дыханием спящих и зловонием. Одежда, которых заключенные никогда не видят при дневном свете, тоже кажутся темными. В них закутываются как можно плотнее, испытывая и благодарность за малую толику тепла для уставшего тела, и безразличность при невольной мысли о том, кому они служили раньше... Скрюченные тела немеют на жестких подстилках. Короткое пробуждение, и сразу мучительно сознаешь: это же Освенцим. Плотнее прижимаешься к спящему соседу — с радостью, если он близок тебе, и с тоской, если это чужой, а то и враждебный тебе человек. Сон, верный союзник, быстро обрушивается на смертельно усталых людей, заглушая чувства. Кто может уснуть, спит крепким, будто сгущенным сном, впивая отдых всей своей нервной системой. Ночи в лагере коротки. И надо успеть, неподвижно лежа в черном логове, сбросить с себя всю усталость минувшего дня и набраться сил для дня наступающего.

---

¹ Работа... Работа... Работа... (Нем.)

В тишине барака непрерывно, многоголосо бьет кашель. Порой кто-нибудь вскрикивает во сне, с ужасом произнося немецкие слова, которых так боится днем.

Никто из спящих не слышит подъема — продолжительных свистков с разных концов лагеря. Но полиция из заключенных, днем и ночью ревностно несущая службу, уже напоминает о себе. Мрачное, надрывное «Aufstehen!»¹, подкрепленное ударами палки о доски нар, несется по всему бараку, повисая над спящими. Еще совсем темно. Откуда-то из глубины нар слышится приглушенный стон. Кто-то проснулся и впервые за эту ночь пытается распрямить онемевшее тело. Пробуждение — самая трудная минута, все равно, первые ли это, полные отчаяния лагерные твои дни, когда каждое утро заново переживаешь тяжелое потрясение, или ты в лагере давно, очень давно и каждое утро напоминает тебе, что нет уже сил начать новый день, точь-в-точь такой же, как все предыдущие. Подхлестывающее «Aufstehen!» звучит непрерывно; но вот наконец раздраженный ночной охранник оставляет в покое это единственное, известное ему и трудно дающееся немецкое слово и переходит на польский: тут он — как рыба в воде!

— А ну поднимайся, требуха вонючая, интеллигенция паршивая, вставай! Looos! Aufstehen!

Теперь палка начинает гулять по ногам, плечам и головам спящих женщин. Нары оживают. Разбуженные послушно поднимаются, нашаривают в темноте обувь, спрятанную под сеником, ощупью натягивают одежду. Из проемов вдоль стен, напоминающих ка-

---

¹ «Подъем!» (Нем.)

такомбы, все выбираются в узкий проход, где уже тесно. Барак может вместить такое множество народу, только когда все лежат на многоярусных нарах. Когда женщины спускаются вниз, стоять им негде. Ведь барак — лишь место ночлега. Заключенные покидают его сразу же после подъема, чтобы вернуться только вечером.

В 1942 году Биркенау (так называемый Освенцим II) — это заболоченное поле, огражденное колючей проволокой под высоким напряжением. Никаких дорог, никаких тропинок между бараками, весь лагерь без воды, без каких бы то ни было сточных канав (впрочем, их не было и позже). Всевозможные отбросы, отходы валяются повсюду, разлагаясь, источая зловоние. Никому не доводилось видеть, чтобы хоть одна птица пролетела низко над Биркенау, а ведь, простаивая часами на поверках, заключенные подолгу высматривают их в небе. Какое-то чутье или инстинкт заставляют птиц избегать этого места. Биркенау официально не существует. В адресах не значится. Лагерные постройки здесь временные. Это — своего рода зал ожидания, преддверие крематория, рассчитанный на двадцать-тридцать тысяч человек. Вот как он возник.

Зимой 1941/42 года на Огороженном колючей проволокой луку построили два одинаковых комплекса по пятнадцать каменных и пятнадцать деревянных барakov в каждом. Ни полов, ни потолков в бараках делать не стали, лишь прикрыли их крышами, сквозь которые свободно проникает снег. На воротах были подвешены жестяные таблички с надписью: «Pferdestelle»¹ — и с предписаниями на случай, если

---

¹ «Конюшни» (нем.).

лошади заболеют сапом. Такие таблички сохранились на многих бараках до последнего дня. Сохранились и железные кольца, укрепленные на уровне лошадиной головы.

В этой части лагеря смерть поселилась раньше людей: многие из заключенных Освенцима, попавшие на эту стройку, не выдержали непосильной работы, скончались в топкой грязи Биркенау.

Первое время деревянный барак был недоступен полякам, и наши воспоминания 1942 года связаны с каменными бараками. Первоначальный вид такого барака нетрудно восстановить по внутреннему его устройству: четыре ряда лошадиных стойл, довольно тесных, без потолка. Между ними — тонкие перегородки высотой в два метра. Скучный свет просачивается в стойла сквозь четыре слуховых оконца и крохотные окошки в наружных стенах. Два средних ряда стойл примыкают друг к другу, а два наружных — к стенам барака. Таким образом, между стойлами образуются два узких прохода для конюха. Стойл в каждом каменном бараке больше пятидесяти.

А вот каким простым способом конюшни эти были переделаны под жилье для людей. В каждый станок вмуровали два деревянных настила: один на высоте двух метров, другой — метром ниже. Настилы соорудили из скрепленных балками дверей, раздобытых в ближних домах. Таким образом, в каждом стойле помещалось три ряда мест для сна — один на земле, другой на метр от земли, третий на высоте двух метров, — стало быть, таких мест для сна в бараке более полутора сотен. На каждый настил кладется по два тюфяка, набитых (когда они новые) четырьмя килограммами стружек или камыша из окрестных прудов. На такой подстилке спит от шести до десяти

человек, следовательно, на месте, предназначенном для одной лошади, ютится восемнадцать-тридцать человек. Во время большого наплыва в одном бараке иногда помещается больше тысячи двухсот человек. Барак напоминает не то громадный курятник, не то крольчатник. Хуже всего — нижние ряды. Там сыро и тянет холодом от земли, в ненастье превращающейся в такое месиво, что вязнут ботинки. Там всегда темно — десятки пар ног закрывают свет, и никогда не сядешь прямо — нары слишком низкие. По ночам нижние места атакуют стаи крыс.

На средних нарах так же тесно, но немного светлее. Правда, грязные ботинки тех, что взбираются наверх, часто задевают в темноте головы спящих пониже, зато тюфяки тут сухие. На верхних же нарах светло. Здесь достаточно воздуха, здесь можно не только сидеть или стоять на коленях, но даже выпрямиться во весь рост. Правда, в дождливые дни на верхних нарах несладко, ведь крыша течет, и все же они считаются самыми лучшими.

В каменных бараках нет света, поэтому, возвращаясь вечером с работы, заключенные в темноте забираются в свои логова, в темноте ищут одеяла, в темноте снимают с себя одежду. До чего же трудно, если ты не получаешь продовольственных посылок, наскрести на покупку свечи у кладовщиков. Не день и не два отказываешь себе в хлебе или в маргарине, и вот наконец вечером ты при свете свечи, сняв с себя рубаху, принимаешься бить вшей. Многие пытаются делать это на ощупь в темноте, но разве так выловишь вшей помельче и гниды?

В глубине темных нор, точно в многоэтажных клетках, при тусклом освещении кое-где горящих свечей, голые, исхудалые фигуры, сгорбленные, по-

синевшие от холода, с вобранной в плечи бритой головой, склоненные над кучкой грязных лохмотьев, ловят костлявыми пальцами насекомых и осторожно убивают их на краю нар — вот картина барака 1942 года. Белье грязное. Воды нет, и белье не стирают, только очищают от насекомых.

Женщины ведут борьбу с грязью, перенимают друг у друга различные способы, совершенствуют их. Но борьба эта бесполезна. Как я уже упоминала, на каждой подстилке спят вповалку несколько женщин. Пусть даже все они невероятными усилиями очистят одеяла, одежду и подстилки — весь их труд идет насмарку, как только в барак прибывает Zugang¹. Новенькие обычно приносят с собой вшей и распространенную в лагере чесотку: несколько ночей под общими одеялами, и всех постигает это бедствие. Борьба начинается заново.

Сейчас ночная охрана вместе с блоковой² и штурбовыми³ руками и палками подталкивают людей к двери. Плотная толпа движется нехотя, мешкает выходить на промозглый ночной холод. Люди идут сонные, в полузабытьи, голова к голове, плечо к плечу. Не видно, кто там рядом, под темными лохмотьями. Уже от порога слышно, как хлопает жидкая грязь под множеством ног. Свет звезд и луны, затмеваемый светом прожекторов со стороны колючей проволоки, освещает сгорбленные фигуры женщин, с усилием вытаскивающих из грязи обмотанные тряпьем ноги.

Лица на мгновение выплывают из темноты и тут же растворяются в ночном сумраке. На некото-

---

¹ Пополнение (*нем.*).

² Староста барака.

³ Помощницы старосты барака.

рых запечатлелась тишина и отрешенность; эти женщины будто уже умерли, и черты их застыли в немом горе. Их не забудешь. Лица других искажены яростью, злобой, гневом. Об этих хочется забыть поскорее.

У кого еще хватает сил, у кого ноги еще не распухли, тот перед утренней поверкой отправляется на поиски воды. С водой в Биркенау очень трудно. В кухню и в дезинфекционный барак, где всегда полным-полно новеньких, лучше не входить — палка эсэсовца может переломать все кости. Несколько десятков тысяч людей пользуются водой из одного-единственного крана за уборной, который открывают чаще всего под утро, перед свистком к поверке. (Иногда кран бывает открыт и днем, но вода все равно недоступна тем, кто работает вне лагеря.) Если встанешь пораньше, если, по счастливой случайности, именно в этот день откроют воду, если сумеешь пробраться сквозь тысячную толпу женщин, если удастся избежать палки капо, даже здесь раздающей удары из врожденной любви к порядку, то в лучшем случае наберешь в миску немного воды. И уж теперь, если только не расплещешь ее в толпе, ты волен распорядиться водой, как тебе угодно: пей, стирай, умывайся, делай что хочешь.

Увязая по щиколотки в грязи, бредут в уборную и обратно фигуры, освещенные белесым светом ламп на бетонных столбах. То и дело кто-нибудь падает и безуспешно силится встать. Падая и поднимаясь, человек окончательно теряет силы, пока наконец приступ боли не пригвоздит его к месту. Кошмарные призраки лежат повсюду. Кто-то стонет. В тусклом свете не разберешь, кто уже мертвый, а кто просит помощи.

Тем временем блоковая и штурбовые начинают выстраивать людей на поверку. Чаще всего они

не имеют никакого понятия о строе, а порой и считать-то не умеют, так что поверка длится бесконечно долго. За это время уже раздали кофе — вся еда перед целым рабочим днем. Онемевшие от холода руки торопливо хватают жестяную миску, на дне которой плещется немного черной жидкости. Кофе уже остыл, но дрожащие губы ищут хоть немного тепла, руки пытаются согреться о миску.

Звезды бледнеют, но заря на востоке еще не занялась. Пересчитав людей перед своим баракком, штубовые выводят больных с температурой и ослабленных дизентерией и сажают их на табуретки или на землю. Затем выносят умирающих и укладывают перед баракком для подсчета. Женщины, недавно прибывшие в лагерь, не могут оторвать глаз от этих безжизненных, вытянувшихся на мокрой земле тел, кое-как прикрытых одеялами. Кто-то тихо говорит: «Вон несут Леткевич, жену капитана из Равы Мазовецкой. Уже совсем плоха. А там вон Захорская, писательница. А сидит, видите, Гарлицкая, врач-гинеколог из Варшавы, рядом с ней — Грохольская из Польского радио».

Глаза как прикованы: перед каждым баракком та же картина. Лучше уж себя не обманывать. Ясно, такого никому не избежать. Кто-то произносит шепотом, будто про себя:

— Все-таки хорошо, что Освенцим окружен тайной, по крайней мере дети не знают, как гибнут их матери.

Из ночного мрака исподволь проступают очертания баракков и выстроенные перед ними шеренги женщин. Туман с окрестных болот затянул, поглотил и скрыл от глаз все, что можно бы увидеть за проволокой; окутанный пеленой лагерь кажется

сейчас одиноким островом. Перед бараками тысячи людей, а по ту сторону колючей проволоки на много километров вокруг — ни души. Вверху по временам вспыхивает алое пламя из крематория. Вместе с утренним туманом, который, сражаясь со светом, подползает к самой проволоке, медленно подступает ощущение пустоты и безысходности. На проволоке то тут, то там горит кроваво-красная лампа, напоминая о смертоносной силе тока. Она как сигнал, как приманка. Глядя на нее, испытываешь беспокойство. Вот от темных барачных отделений отделилась маленькая точка и медленно движется на этот свет. Издали едва можно различить, что это человек. Как будто загнипнотизированная чужой волей, всецело ей подчиняясь, фигурка тихо движется вперед, не оглядываясь, не останавливаясь ни на минуту. Залитая электрическим светом колючая проволока, ровно натянутая на бетонных столбах, кажется покрытой инеем.

Между проволочными ограждениями и рвом, окружающим всю территорию, пролегла узкая, шириной в полметра, не больше, полоса, которой не касается ничья нога.

Лагерная земля спеклась и задубела под тысячами беспрерывно топчущих ее ног, а здесь, на этой узкой полосе, летом буйная трава покрывается по утрам росой, а зимой лежит девственно-белый снег. Эта полоса земли дожидается тех, кто разуверился в освобождении, тех, кто хочет уйти этой узкой чистой тропой. Темная женская фигура уже близко. Вот она минует земляную насыпь и останавливается под пылающей красной лампой. Она уже слышит, наверное, как поет проволока, как что-то беспрестанно шумит в ней, звенит, дребезжит. Женщина поднимает руки

кверху — и падает. Выстрел из караульной будки раздается в тот самый момент, когда тело ее повисает на проволоке. Вокруг тишина. Утренняя поверка еще не окончена. Никто не кинулся спасти человека, помешать самоубийству. Любой, ступивший на полосу смерти без приказа эсэсовца, был бы немедленно сражен пулей. В разных концах лагеря слышатся выстрелы, оповещая о новых самоубийствах. Начинает пробираться утренний холод. Стоящие в тумане вдоль всего лагеря фигуры ежатся, топчутся на месте, подпрыгивают, чтобы согреться. Тем временем блоксовая сообщает самое худшее:

— Счет не сходится. — (В 1942 году счет почти никогда не сходился.)

Она начинает пересчитывать, эсэсовцы проверяют, а затем обходят заграждения, чтобы прибавить число мертвых. Одновременно группа ревностных капо и обер-капо во главе со старостой лагеря разыскивают не явившихся на поверку. За час примерно удается извлечь из всевозможных укрытий, из закутков позади бараков, из уборных, из канав и ям все те существа, которые хотели лишь спокойно умереть и, напрягая угасающие силы, искали укромного места, чтобы испустить последний вздох. Их нашли, выволокли из укрытий и заставили еще раз стать на поверку. Побоями и бранью загнали в шеренги.

Вот ведет несчастную, которая не в состоянии вспомнить, в каком из пятнадцати каменных бараков она живет и где должна стоять. Тяжелая болезнь помутила ее сознание, и женщина не может назвать ни своего номера, ни фамилии. (В 1942 году еще не татуировали номера на руке.)

Весь лагерь продолжает стоять на поверке, очневшие от холода женщины молят бога, чтобы